

Оглавление

I

Amnesia inversa	13
Болезнь Агриколы	17
Immortalitas diabolica	23
Распутная болезнь	29
Mors inevitabilis	35
Lingua fracta	39
Vulnus morale	43
Pulchritudo scelerata	47
Отравление эрисифией	51
Forma cyclica	55

II

Renascentia	63
Болезнь Бернара	67
Tristitia contagiosa	71
Corpus ambiguum	75
Mors transiens	79
Persona fracta	83
Foetus perfidus	87
Aphasia floriloquens	91
Exilium volatile	95

III

Проклятие Сизифа	103
Tabes arcana	107
Insania communalis	111
Osteitis deformans preciosa	115
Confusio linguarum	121
Conscientia errans	125
Amnesia histrionis	129
Membrum vestigiale	133
Сезонный паралич	137

IV

Amnesia esoptrica	143
Corpus fractum	147
Oraculum terribile	151
Dictio aliena.	155
Pestis divisionis.	159
Неаполитанская болезнь.	163
Virginitas aeterna	167
Chorea rhythmica	171

V

Нуперсомния fatalis	177
Empathia pathologica.	181
Glossolalia cryptica.	187
Torpor morum.	193
Conceptus continuus.	199
Блуждающая слепота	205
Dysacousis torrens	209
Синдром проклятого целителя	213

VI

Болезнь Ланфранко.	221
Болезнь Мнемозины	227
Aevum insolitum.	233
Visio determinata	239
Auditio cruciabilis.	245
Morbus geographicus	249

VII

<i>Благодарности</i>	255
--------------------------------	-----

На некоей полке в некоем шестиграннике (полагали люди) стоит книга, содержащая суть и краткое изложение всех остальных: некий библиотекарь прочел ее и стал подобен Богу¹.

*Хорхе Луис Борхес.
Вавилонская библиотека*

Говорят, что в этих городах-двойняшках невозможно уже отличить живых от мертвых².

*Итало Кальвино.
Невидимые города*

¹ Перевод В. Кулагиной-Ярцевой.

² Перевод Н. Ставровской. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

I

Я удивился, Максимо, узнав, что ты аптекарь. Я здесь уже семьдесят лет, за эти годы в Центральной библиотеке бывало столько аптекарей, что и не сосчитать, но ни один из них не выказал желания стать библиотекарем. Ты еще и старше — дай угадаю: тебе около сорока, остальные же тут с тех пор, как начали пробиваться усы. Осторожнее с теми шкафами: не очень-то они устойчивые. Лучше иди вдоль этой стены.

Как я говорил, это место сродни монастырю. Родители отдают сюда детей, и те поначалу метут полы и моют стены. Большинство из них никогда не добьются большего. Те немногие, кто выучиваются читать и писать, становятся писцами: переплетают книги, копируют трактаты, записывают за приезжими учеными. Лишь самые одаренные дорастают до библиотекарей. Впрочем, ни к чему утруждать тебя черной работой. Я читал твой трактат о болезнях эпифиза. Исчерпывающее, кропотливое исследование.

Обычно новичкам показывает Библиотеку кто-нибудь из молодых библиотекарей, но в твоём случае я решил, что сделаю это сам. Не мешает размять ноги. Врачи запретили мне выходить из комнаты: они уверены, что постельный режим отсрочит мою смерть. Я живу уже дольше, чем заслуживает человек, и чахотка стремится поскорее меня прикончить. Не беспокойся, я не обременяю тебя тайной. Об этом знают все — и обращаются со мной точно с хрустальной вазой. Как бы то ни было, чем не причина нарушить запреты врачей?

Идем сюда, и смотри под ноги, тут поворот.

Как видишь, мы постоянно пристраиваем к Библиотеке новые флигели и сегменты. Знал бы ты — а впрочем, скоро узнаешь, — сколько нам каждый день привозят ведомостей! Подробные описания боевых ранений, сообщения об эпидемиях, патентные формулы новых снадобий, эскизы целебных амулетов, рецепты растительных экстрактов со всех уголков света, а нам, библиотекарям, приходится думать, как включить все это в каталог. Библиотека — лишь зеркало медицины за ее стенами. Ты лучше меня знаешь, что и диагноз, и лечение день ото дня становятся эзотеричнее. Теперь недостаточно быть врачом: нужно знать алхимию и картографию. Даже движение звезд. Как прикажешь за всем этим уследить? Растет ведь не только хранящееся в Библиотеке знание, но и царящий в ней беспорядок. Но это мало кто понимает.

В свое время ты узнаешь и о наружных коридорах, и об их содержимом. Ты об этом не упоминал, Максимо, но тебе наверняка не терпится увидеть главный зал, верно? Да, я так и думал. Вряд ли тебе случалось бывать там — если, конечно, у тебя не нашлось веской на то причины. Раньше мы были намного более открытыми, но после того безумца — я расскажу о нем позже — пришлось устроить правила. Мы пускаем лишь тех, у кого есть письма от покровителей, подтверждающие их ученость. И душевное здоровье. В конце концов, *Encyclopaedia Medicinæ*³ всего одна и слишком ценна, чтобы ею рисковать.

Да, Максимо со мной. Пропустите его. Обыскивать нет нужды.

Не обращай внимания на охранника. Дурак, что с него взять. Сам понимаешь, нанимают их не за ум. Думаю, тебе не привыкать к тому, что на тебя смотрят, и все же. Я поговорил с библиотекарями, они не станут относиться к тебе иначе из-за твоего роста.

Энциклопедия состоит из трехсот двадцати семи томов, для каждого устроены свои тиковая полка и скамья для чтения. Если ты избрал провести жизнь среди свитков и книг, аромат пергамента и велени станет для тебя желаннее запаха пищи. Знаешь ли ты, как изготавливают пергамент? Этому ремеслу учится каждый библиотекарь. Мы все бывали на бойнях, отбирали шкуры

³ Энциклопедия медицины (лат.).

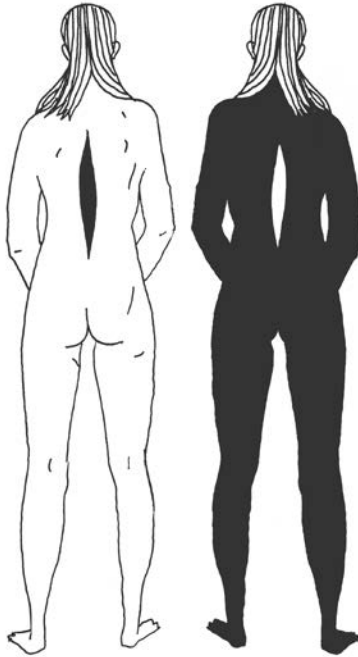

без дыр и полос от кнута, без шрамов, укусов клещей, пятен, следов болезней. Омерзительное занятие.

Посмотри на эту книгу, на ее безупречный корешок, на чистые прекрасные слова. Ничто не напоминает о том, что некогда ее страницы висели на мясницких крюках в окружении потрохов. Сперва сырую шкуру моют и вымачивают в извести, чтобы сошла шерсть, — воняет ужасно, поверь. Трижды в день ее нужно переворачивать, да не передержать. Оставь ее в извести на день дольше — и шкура порвется. Потом шкуру растягивают и день ото дня зажимы, которые ее держат, отодвигают чуть дальше, пока она не станет тонкой, сухой и тугой как барабан. Кто знает, сколько скота ушло на создание Энциклопедии? Энциклопедии лечения. Написанной на основе смерти.

Но довольно об этом. Посмотри, какая изящная книга. Обложка, поля, очертания каждой буквы. Как я говорил, на свете одна-единственная *Encyclopaedia Medicinæ*.

Vulnus morale

V *ulnus morale*, или душевная рана, впервые проявляется в отрочестве круглой язвочкой на пояснице. Сперва она почти ничем не отличается от большинства безобидных нарывов: деревенские знахари годами лечат ее травяными припарками и бальзамами. Но со временем язвочка разрастается в безобразную рану, и тогда пациент обращается к более знающему целителю.

Процесс диагностики скучен и долог; даже у опытнейших лекарей он порой отнимает без малого год. Пациент описывает в тетради все движения своей души: каждое доброе и злое дело, каждое жестокое слово, каждый украденный подсвечник, каждую монету, брошенную на циновку побирушки. Он обязан записывать не только дела, но и мысли: неприязнь к хозяину, ненависть к брату, оглушительное вожделение, что охватывает его при виде той, кого вожделеть нельзя. Он должен копать все глубже и глубже, пока не прольет на бумагу те сферы своего сознания, которые утаивает даже на исповеди. Лекарь бредет по этому болоту порока

и с помощью уравнений, выведенных моралистами древности, высчитывает неизмеримо более сложные числа небесных ведомостей. И лишь через несколько месяцев этого унижительного ритуала вырисовывается система. Проявляются взаимосвязи между раной и записями в гроссбухе. В периоды, когда пациент творит добро, язва чуть сокращается в размерах; после порыва иступленной ярости вдруг образуется некроз.

Больной *Vulnus morale* несет на спине вечный компас движений своей души. Те, кто всю жизнь вершат злодеяства, превращаются в чудовищные гобелены из гангрены и струпьев, рассказывающие об их нечестивых делах. И священник, явившийся в смертный час, дабы вручить душу такого человека Божьей милости, обнаруживает, что в голосе его сквозит фальшь. Но есть и другие — те, кто, годами предаваясь порокам, на закате жизни обращаются к смирению и добродетели. И когда они покидают этот бранный мир, на их стремительно остывающей коже не остается ни единого изъяна — как в тот день, когда они появились на свет.

Pulchritudo scelerata

Р *ulchritudo scelerata*, или проклятая красота, наделяет больных неотразимым очарованием. В пору юности, когда они расцветают, земля полнится слухом об их красоте. Тогда-то и обнаруживается коварство этого недуга. Восемнадцатилетие приносит с собой патологии, обеспечившие болезни место в Энциклопедии.

Всякий, кто взглянет на больного *Pulchritudo scelerata*, будет страдать от мигреней, катара, перемежающейся сыпи, воспаления суставов и пазух — незначительных и преходящих проявлений, ускользающих от внимания даже самых проницательных докторов. Однако патологии копятя, и со временем теми, кто регулярно видит больных *Pulchritudo scelerata*, овладевают недуги серьезнее: опухоли челюстей, абсцессы спинного мозга, атрофии конечностей. И тогда городские врачи, не в силах справиться со вспышкой недомоганий, наконец признают систему: почти все больные — страдающие от безответной любви молодые люди, которые подолгу смотрели сквозь щелочку в ставнях

и ветви деревьев на юную красавицу-соседку, причину их бед.

Власть приговаривает пациентов с *Pulchritudo scelerata* всю жизнь носить маску или вуаль — если, конечно, они не согласятся обезобразить свое лицо до неузнаваемости, тем самым уничтожив угрозу. Однако многие не соглашались ни на первое, ни на второе. Они убегают из дома, обращаются в странников, останавливаются в далеких городках, ничего не подозревающие обитатели которых немеют от восторга при виде их красоты, но странники вскоре покидают город, чтобы своим присутствием не нанести непоправимого ущерба. Там, где побывал таинственный путешественник, возникают недуги, и власти в панике принимают меры, но как поймать того, кто давно уехал? Вокруг этого недуга бытует масса суеверий. Если бы на городской площади вывесили портрет сбежавшего пациента, болезнь удалось бы предотвратить, но ни один город не осмелится на такое из опасения, что даже этот притягательный образ способен причинить вред.

Отравление эрисифией¹¹

¹¹ Выдуманное растение.

Сознание уязвимо перед бессчетным множеством ядов и токсинов, однако природа щедро порождает подобные вещества. Но даже среди самых зловещих эрисифия стоит особняком. Подлинные ее свойства впервые выявил китайский алхимик: проходя по чайной плантации, он отошел с дороги нарвать листьев для утреннего чая. Удосужься он показать эти листья рабочим, узнал бы о своей ошибке, но он вернулся домой, бросил листья в кипящую воду и таким образом нечаянно получил концентрированный раствор эрисифии.

Постигшие его после этого чудовищные последствия алхимик описал в непереведенном трактате. Воздействие эрисифии «невообразимо тяжкое. Растение вызывает тошноту и спутанность сознания. То, что я слышал, видел и осязал в течение нескольких недель, лишало меня покоя и аппетита. Эрисифия отравила мое счастье, ввергла меня в нечто неизмеримо худшее, нежели отчаяние». Так действие экстракта, хорошо известное обитателям тех краев, привлекло внимание медицинского сообщества.

Эрисифию часто путают с сыворотками правды. Последние развязывают язык жертв, и те выбалтывают тайны. Эрисифия действует ровно наоборот: под ее влиянием пациент неспособен воспринимать ничего, кроме абсолютной, чистой правды. Эрисифия лишает сознание уловок, с помощью которых оно обычно защищается от мира. На протяжении месяцев пострадавший от яда взирает на мелочные планы отмщения, которые замышляют окружающие, на противоречия в их мыслях, на их лицемерие и страсти. Он вынужденно видит тех, кого любит, не теми, кем желал бы их видеть, а настоящими. При сильном отравлении эрисифией жертва подмечает мерзости в собственной душе. В подобных крайних случаях яд способен лишить рассудка. Все известные смерти от эрисифии — самоубийства.

Алхимик завершает трактат следующими словами: «Мы верим, что свет радует глаз. Но никто не отважится взглянуть на полуденное солнце».

У некоторых народов Юго-Восточной Азии детям с младенчества дают крошечные дозы эрисифии, а взрослые пьют настои из ее листьев. Такому обычаю существует три объяснения: представители этих народов невосприимчивы к яду; они тоже страдают от его воздействия, однако используют эрисифию как ритуальное средство самобичевания; многолетняя привычка к яду позволяет им за неприглядной правдой, которую обнажает эрисифия, рассмотреть глубочайшие истины жизни, достойные пристального созерцания.

Forma cyclica

